

ВЕНГЕРСКИЕ ТЕМЫ, ОБРАЗЫ И МОТИВЫ В СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
/К постановке вопроса/

И. Феньвеш

С начала XX века в европейском литературоведении все более широко распространяется изучение т.наз. инонациональной тематики, т.е. произведений литературы "А", посвященных деятелям, истории и явлениям жизни и т.д. литературы "Б". Работы такого характера десятилетиями было принято относить к сравнительному изучению литературы.

В связи с основными теоретическими аспектами нашей темы нам вспомнилась мысль известного словацкого литературоведа Д. Дюришина, который, систематизируя многообразные явления, входящие в сумму компонентов сравнительного изучения литературы, предупреждает о недопустимости расширенного, "безбрежного" понимания предмета литературной компаратистики. В частности, он имеет в виду огульное отнесение всех произведений инонациональной тематики к компетенции сравнительного литературоведения, независимо от того, имеется ли в данном произведении творческое пересечение именно мотивов литературных, или же налицо только "чисто внешнее, мнимое отношение к межлитературной сфере"¹. Нельзя не согласиться с автором в том, что "само по себе использование инонациональной тематики не всегда имеет, а, вернее, чаще всего не имеет ничего общего с инонациональным литературным процессом"².

Следовательно, проблематика нашей работы, в отличие от претензий авторов подобных исследований в прошлом, должна быть отнесена к изучению одной из тематических сторон русской литературы.

¹ Д. Дюришин. Теория сравнительного изучения литературы. М., "Прогресс", 1977, стр. 199.

² Там же.

1. Русская литература, ввиду сосуществования в рамках российской государственности многочисленных различных народностей, уже к началу XVIII в. вырабатывает широкий разнонациональный аспект мышления, в котором судьбы других народов /затем наций/, живущих как в Российской Империи, так и за ее пределами, органически входят в социально-исторический кругозор писателей и становятся частью решаемых ими общечеловеческих проблем.

Наиболее заметным в этой связи, как известно, было присутствие темы Украины и украинцев, различных народов Поволжья и Кавказа. Из зарубежных особенно распространенными были до революции - в различные периоды и у различных писателей - в первую очередь французские и немецкие, а несколько позже - польские и болгарские темы и мотивы.

Если же ограничить взгляд лишь отражением народов Центральной и Восточной Европы, то бросается в глаза следующее. Немецкое долгое время означает вообще все иностранное, и только начиная с начала XIX в. вбирает в себя определенные ассоциации с различными сторонами конкретного национального характера. Польша после ее третьего раздела частично входит в состав России и польский вопрос является частью внутренней политики, поэтому по нему резко сталкиваются силы общественного прогресса и реакции. Народы Балканского полуострова - румыны, сербы, и особенно болгары, приковывают к себе внимание русской литературы начиная с 20-х гг. XIX в., в связи с усилением национально-освободительной борьбы в этом регионе. Чехи "попадают" в русскую литературу в первой половине XIX в., в первую очередь в связи с идеологией славянофилов. В формах относительно массовых венгры начинают появляться на страницах русской беллетристики также в XIX веке.

Русская литература, отражая исторические судьбы своего народа, и, ставя вопросы мирового, общечеловеческого значения, рассматривает проблемы, поставленные национальной

жизнью, не изолированно, а со всесторонним учетом исторического опыта других народов, Именно поэтому она всегда оказывается принципиально открытой по отношению к жизни других народов, может быть, даже в большей мере, чем это можно сказать о других ведущих литературах Европы. /И не только открытой: по существу, ни один из значительных русских писателей не разделял, например, колонизаторской идеологии своего правительства/. Эта открытость особенно усиливается в XX веке, после 1917 года. Здесь возникает сложная структура, в рамках которой, с одной стороны, осуществляется художественное единство разных по генезису национальных литератур, каждая из которых представляет органическую часть единства при сохранении своей самобытности, с другой - художественный опыт каждой литературы становится достоянием всех остальных, а общие закономерности развития функционируют как коренные закономерности каждой из составных национальных литератур.

2. Национальное самопознание - вот главный аспект, в который входит изучение нашей темы. Наиболее глубокий и дифференцированный материал для национального самопознания мы находим, разумеется, в нашей же отечественной литературе, веками отражавшей национальное бытие и тем самым формировавшей сознание нации. Изучение мнения других наций о нас представляется также немаловажной стороной этого процесса самопознания, поскольку оно может содействовать выходу национального самосознания за рамки чисто локального и на уровне общеевропейского помочь осознать нашу роль, наши, может быть, для самих нас менее заметные особенности и т.д. При оценке изучаемых данных необходимо, однако, учитывать, что совокупность такого мнения - это всегда историческая категория, поскольку она зависит от ряда факторов как внелитературных /напр., интенсивность контактов и общий уровень межгосударственных отношений в данный момент и в предыдущую пору, степень знакомства нации "А" с художественной литературой нации "Б" и т.п./, так и соответственно литературных /традиции изображения нации "Б" в литературе нации "А"/. А поскольку все это реализуется через творчество отдельных писателей, то, помимо всего, в дело вступают и такие многочисленные субъективные факторы, как их житейские и творческие биографии, индивидуальный склад и т.п.

Перспективность нашей темы заключается прежде всего в том, что она таит в себе нечто принципиально новое по сравнению с теми представлениями о нас, которые поневоле приходится считать уже традиционными, а, главное, доминирующими, в ряде литератур Западной Европы. В частности, в венгерской германистике и романистике первой половины XX века достаточно полно обработан относящийся к их сфере материал, а в работах крупнейших представителей старой компаратистики возникло обещание даже некоего синтеза³.

Ш. Экхардт, например, рисуя в обобщающем труде "Зарубежный портрет венгров" то "поверхностное представление о венграх, которое укоренилось в среднем человеке Запада", вынужден констатировать некоторую двойственность этих оценок. В основе этой двойственности лежало укоренившееся еще с позднего средневековья мнение, согласно которому венгры - это чужеродное тело в Европе, и что они "без масла христианства и поныне были бы лишь тюркским племенем, кочующим где-то между 'румынскими Альпами' и Дунаем"⁴.

Если отвлечься от тех гротескных надуманностей, на которые указывает автор, то в литературах Западной Европы о Венгрии и венграх в качестве основного наблюдения можно отметить, что наиболее активное внимание проявляется к тем историческим моментам и выражающим их личностям, которые, с той или другой национальной /или - реже - общеевропейской/ точки зрения,

³ Elek O. Magyarország a XV-XVII. sz. francia regényeiben. EPhK 1932, стр. 68-69; Heinrich G. Magyar elemek a német költészetben. Bp., Franklin, 1909; Karl L. Magyarország a spanyol nemzeti és francia klasszikus drámákban. Bp., 1916; Sipos L. A magyar szabadságharc visszhangja a francia irodalomban. Bp., 1929. Országos Gyermekvédő Liga; Sőtér I. Francia-magyar művelődési kapcsolatok. Bp., 1941; Szirák J. Magyar motívumok a német költészetben. Mezőtur, 1907.

⁴ Eckhardt S. A magyarság külföldi arcképe. - Mi a magyar? Szerk. Szekfü Gy. M. Szemle Társ. 1939, стр. 130, 134.

больше всего выделялись в отдельные исторические периоды. Это, например, Янош и Матьяш Хуньяди в испанских пьесах XVII в., Эриньи-старший в драме Кёрнера, революция 1848-49 гг. в стихах Гейне и Фрейлиграта, в романе Талеса Бернара, Л. Кошут в повести Клеманса Робера, и, наконец, Шандор Петефи, который, начиная с первого же года после гибели, становится героем художественных произведений различных литератур мира. В этой связи уместно вспомнить слова крупнейшего знатока этой проблематики акад. Й. Туроци-Тростлера: "Мы знаем, что в каждой мировой славе реальный материал смешивается с ирреальными элементами, реальный взгляд с ошибками в перспективе и с иллюзиями; во всяком случае одним из интереснейших "побочных продуктов" ее /мировой славы - И.Ф./ выступает то явление, когда ее носитель становится героем драмы или романа, причем не у себя дома, а за пределами данной языковой области"⁵.

В трудах Я. Ханкишша 30-х годов относительно полно изложены принципы изучения инациональной проблематики. Из них, хотя бы в тезисном порядке, заслуживают определенного внимания следующие моменты.

Представление одной нации о другой в зеркале литературы никогда не является фотографическим снимком о действительности. Это скорее аббревиатура, экстракт, символ, служащий для удобного запоминания, поэтому он составляет формальную структуру из немногих сопоставленных черт. Обычно оно имеет под собой реальное зерно, но в целом представляет собой равнодействующий ряда интеллектуальных и эстетических сил. Такое представление не только сообщает определенные знания о данной нации, но почти всегда находится, по выражению Ханкишша, под действием магнитных полюсов интересов. Оно, естественно, исторически меняется в зависимости от эпох и от-

---

⁵ Thuróczi-Trostler J. Magyar irodalom - világirodalom. 1961. Akadémiai, II. k. стр. 629.

ражающих литератур⁶.

При всех расхождениях наших методологических позиций с концепцией духовно-исторической школы, крупнейшим представителем которой в венгерской компаратистике был Я. Ханкиш, мы считаем, что некоторые из его положений могут быть использованы в будущем исследовании темы. В целом же методологическая сторона изучения темы еще ждет своей разработки. С одной стороны, это должно быть четкое выяснение ряда теоретических проблем /напр., сущности национального характера, историчности восприятия и оценки инационального и многих др./, с другой - необходимо определение тех моментов в изучаемых произведениях, анализ которых /отчасти в новом, специфическом аспекте/ может обогатить и литературоведение отражающей литературы.

3. В литературной русистике социалистических стран уже немало сделано для выявления соответствующего национального материала. Кроме того, что произведения русских и советских писателей, напр., о Польше изданы в трех специальных сборниках, имеется ряд книг и статей о польской теме в русской и советской литературах⁷. В обстоятельной монографии Г. Германова освещен путь болгарской темы в русской литературе XIX века⁸. Освобождение Чехословакии и Румынии в произведениях

---

⁶ Hankiss J. Nemzetkép és irodalomkutatás. Minerva, 1932. 11. sz. стр. 166.

⁷ Białokozowicz B. Żwa Tolstoja swiązki z Polską. Warszawa, 1966; Polska i polacy w poezji rosyjskiej doby powstania stycznowiego. - Przegląd humanistyczny. 1971, № 3, стр. 83-108; Polska w poezji radzieckiej, Przegląd humanistyczny, 1976, № 10, стр. 43-69.

⁸ Г. Германов. Окървавено навечерие. България и българите в руската литература. Варна, 1976; И.П. Вишневский, Болгарская тема в творчестве советских писателей. Вопросы русской литературы. Львов, 1981, 1 /37/ стр. 124-131. См. еще ряд выступлений в тезисах литературных симпозиумов 1975 и 1978 гг. в Софии.

советских писателей также нашло своих исследователей⁹.

Венгерская русистика, как известно, в силу общественно-политических причин, на целую историческую фазу отстала было от науки Европы. /До 1945 года здесь не было научной базы для исследований/. Однако мысль об изучении венгерских тем в русской литературе возникла уже в начале 20-х годов. Относительная разработанность венгерской темы в западных литературах к этому времени уже позволяла подвести некоторые итоги. Обобщая результаты исследований темы "венгерские элементы в мировой литературе", Л. Дьердь еще вынужден был констатировать, что "в столь авторитетной русской литературе никакие венгерские моменты не обнаружены" - именно в силу отсутствия специальных исследований. Однако, отмечая, что широкие просторы для исследования открываются и в этом плане, ученый в дальнейшем не ограничился выражением одного лишь пожелания. Задуманная еще в те годы, но вышедшая лишь после освобождения книга Л. Дьердя "Контакты венгерской и русской литератур" стала не только первой библиографией по венгеро-русским литературным связям: в ней нашли свое место и собранные им первые факты, относящиеся к интересующей нас теме¹⁰.

После 1945 года венгерскими и советскими исследователями собран немалый материал и по этой тематике. Это, в первую очередь работы о легенде Святого Владислава в России¹¹, о

⁹ Яр. Буриан. Освобождение Чехословакии в произведениях советских писателей. *Ceskoslovenska rusistika*, 1975, № 4, стр. 161-164; Д.Т. Панцыр. Начало нового этапа в истории советско-румынских литературных связей. Вопросы русской литературы. Львов, 1977, 2 /30/, стр. 119-127.

¹⁰ György L. Magyar elemek a világirodalomban. Minerva. Cluj-Kolozsvár, 1924, стр.40; György L. A magyar és orosz irodalom kapcsolatai. Kolozsvár, 1946. Erdélyi Múzeum Egyesület kiadása.

¹¹ И. Перени. Легенда о святом Владиславе в России. *Studia Slavica*, 1955, стр. 227-242.

венгерских моментах в русских летописях¹², о Моисее Угри-
не¹³, о поездке Симеона Суздальского через Венгрию в 1437
году¹⁴; найдены интересные русские стихотворные и прозаиче-
ские материалы относительно Венгрии XVII-XVIII вв.,¹⁵
сделан обзор литературы XIX века /в частности, венгерских
тем у Пушкина, венгерских контактов Герцена и Л. Толстого/¹⁶,
а также книг русских путешественников о Венгрии¹⁷. Сюда же
относятся и труды о взглядах революционных демократов о
Венгрии¹⁸, об отношении М. Горького к венграм¹⁹ и некоторые
другие²⁰. При всей их ценности, эти работы охватывают, од-
нако, лишь небольшую долю того материала, который может быть
выявлен не только при специальном исследовании, но даже от-
части при внимательном прочтении ряда известных произведе-
ний.

---

¹² Perényi J. Az orosz évkönyvek magyar vonatkozásai. Tanul-
mányok a magyar-orosz irodalmi kapcsolatok köréből. Bp.,
1961. Akadémiai, I.k. стр. 28-54; Э. Иглои. "Повесть вре-
менных лет" о венграх. Slavica /Debrecen/, 1963, стр. 83-
104.

¹³ Iglói E. La légende de Moïse le Hongrois. Slavica /Debrecen/
/, 1970, стр. 154-161.

¹⁴ Váradi-Sternberg J. Utak, találkozások, emberek. Kárpáti -
Gondolat, 1974. Обширный материал по XVII-XIX вв. и отно-
сительно нашей темы приводится в новой книге автора Századok
öröksége. Tanulmányok az orosz-magyar és ukrán-magyar
kapcsolatokról. Gondolat - Kárpáti, Budapest - Uzshorod,
1981.

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ Tardý L. Régi hírünk a világban. Gondolat, 1979.

¹⁸ Э. Нидерхаузер. Герцен о Венгрии. Acta Historica, 1954,
№ 3; Б. Фогараши. Чернышевский о венграх. Вопросы истории,
1953, № 7.

¹⁹ Э. Балецкий. Несколько данных о русско-венгерских взаимо-
отношениях. М. Горький и венгры. Études Slaves et Roumaines,
1948; Lengyel B. Gorkij ismeretlen írása Miklós cárról a magyar
sajtóban. Filológiai közlöny, 1959. 1. sz. стр. 262-263.

²⁰ Trócsányi Z. Magyar nyomok az orosz irodalomban. М. Nyőr,
1949, 2. sz.; Gitárfy Z. Ujabb magyar nyomok az orosz
irodalomban, М. Nyőr, 1949, 4. sz.

Ввиду позднего познания научной литературной ру-
систики в Венгрии по существу только теперь начинается та
кропотливая работа по собиранию основных фактов нашей темы,
которую специалисты по другим литературам в соответствующих
темах успели завершить уже к 30-м годам. Из-за разбросан-
ности материала и отсутствия каких-либо библиографических
указателей это потребует еще длительных и, безусловно, кол-
лективных усилий.

И в отношении уже имеющегося и рассматриваемого ниже
материала приходится признать в безусловной неполноте. Он
накапливался постепенно по трем каналам. Некоторая часть
всплыла в рамках практической педагогической работы /"уви-
денное глазами венгра"/. Большая доля данных была собрана в
ходе библиографических изысканий переводов советской лите-
ратуры на венгерский язык. Работа автора по изучению контак-
тов Матэ Залка с советской литературой обеспечила почти пол-
ную "словесную иконографию" венгерского писателя²¹.

О филологической стороне вопроса еще почти не приходит-
ся говорить, поскольку этот материал, напр., с текстологи-
ческой точки зрения представляет следующие "слои": а/ В
большинстве случаев имеется текст подлинника /у писателей
народов СССР - русский перевод/, б/ примерно каждое пятое
произведение нам известно только в венгерском переводе,
в/ относительно 5 % произведений мы располагаем лишь библио-
графическими сведениями об их наличии, о теме и т.д. По при-
чинам, указанным в предыдущем абзаце, произведения даются,
согласно месту обнаружения, то - реже - по первым публикаци-
ям, то в составе последних собраний сочинений авторов. Вен-
герские переводы, ввиду недостаточности места, указываются
только для произведений "слоя" "б".

---

²¹ Fenyvesi I. Zalka Máté és a szovjet irodalom. Bibliográ-
fia. Szegedi Tanárképző Főiskola Tud. közleményei. 1964,
I.k., стр. 139-147.

4. Прежде чем перейти к конкретному материалу, уместно сделать некоторые предварительные замечания о собранном нами материале.

а/ Прежде всего: венгры и Венгрия в первые четверть века Советской власти, естественно, не могли рассчитывать на прочное и благосклонное внимание советской литературы и, в частности, самых значительных писателей, да и позже не мы одни стояли в фокусе их пристального внимания. Отсюда следует, что не приходится искать крупных, эпохальных произведений, посвященных Венгрии, так же, как и многих значительных писателей мы вообще не находим в числе авторов нижеследующего обзора. И все же при ближайшем рассмотрении их списка обнаруживается, что около одной трети авторов - значительные писатели, среди них - М. Горький и В. Маяковский, А. Блок и Л. Леонов, М. Шолохов и И. Эренбург, К. Симонов и Л. Мартынов, В. Шкловский и В. Быков и многие др. И если для большинства писателей венгерская тема - дело, так сказать, эпизодическое, разовое в масштабах творческого пути, то каждый пятый - автор не только одного произведения на венгерскую тему. Особенно заметна привязанность к этой теме у писателей двух "групп" - у участников освобождения нашей страны /Л. Первомайский, Ю. Гойда, О. Гончар, А. Недогонов, С. Гудзенко, Л. Решетников/ и у переводчиков нашей литературы на русский язык /Н. Тихонов и М. Исаковский, С. Кирсанов и Д. Самойлов и др./. Не менее показательны целые венгерские циклы - у москвича Е. Долматовского и ленинградца Г. Холопова, грузина Г. Леонидзе и украинца Ю. Шкробинца и др. В наших материалах представлены писатели 15 национальностей: кроме уже упомянутых - азербайджанцы, белорусы, представители Киргизии, Узбекистана, Удмуртии, Армении, коми, чукчи и

---

* Число авторов - 243, а произведений - 338. 75 % авторов фигурирует в 4-томной "Истории русской советской литературы" АН СССР /1967-71/ или в "Краткой литературной энциклопедии" /тт. I - IX, 1962-1978/. Эта пропорция еще выше /82 %/, если к ним присоединить тех, в основном молодых писателей, которые своими переведенными /отчасти именно "венгерскими"/ произведениями уже известны в Венгрии.

др.

б/ Из предыдущего пункта следует, что, как во всяком тематическом материале, и здесь наблюдается разноценность по собственно эстетическим показателям. Наряду с известными произведениями, здесь немало произведений среднего уровня, не говоря о просто весьма преходящих ценностях.

Разнохарактерность и неравноценность материала обуславливается тем, что здесь, во-первых, много имен, разных по своему значению для истории литературы, что, во-вторых, фигурирующие здесь произведения занимают далеко не одинаковое место в творчестве их авторов, и, в-третьих, они и по объему расположены по очень широкой шкале: от маленького упоминания до целостных, полностью этой теме посвященных стихотворений, рассказов, романов и т.д. Наконец, уже первый обзор материала позволяет заметить, что формирование этого фонда происходило в тесной связи с общественно-политической жизнью и собственно литературно-историческим развитием отдельных периодов. Это подтверждается уже основными акцентами в самой тематике /причем не только в качественном, но и чисто количественном отношении/, и об этом же свидетельствует и некоторое количество устаревших со своим временем произведений, порожденных в том числе условиями культа личности.

в/ В жанровом отношении материал состоит наполовину из стихотворений, в том числе и циклов стихов и поэм. Каждое пятое произведение - рассказ, повесть или роман. Заслуживают внимания своим числом еще воспоминания, очерки и драмы.

г/ Небезынтересно тематическое распределение материала. Не может быть случайным, что покрывающие 80 % материала три главные /причем примерно одинаковые по величине/ группы составляют произведения, посвященные впечатлениям советских писателей за последние четверть века /23,4 %/, воссоздающие образ Матэ Залка /22,4 %/ и освободительные бои 1944-45 и 1956 гг. /23,4/. Остальное /также в трех тематических узлах/ значительно уступает этим первым: впечатления о Венгрии в

1945-56 гг. /8,16 %/, изображение интернационалистов в гражданской войне /6,86 %/ и образ Шандора Петефи /4,42 %/. Если эти же данные представить в несколько другом делении, картина будет следующая:

I интернационализм в прошлом			
	гражданская война	6,8 %	
	1919	2,7 %	
	Матэ Залка	22,4 %	итого 31,9 %
II освобождение и братская помощь в 1956 году			
	20,7 + 2,7		итого 23,4 %
III изображение жизни в освобожденной стране			
	1945-56	8,16 %	
	1957-80	23,46 %	итого 31,6 %

Следовательно, эти три больших тематических узла охватывают 86,9 %.

д/ Около половины произведений известны и венгерскому читателю: они, многие даже неоднократно, переведены на венгерский язык. Некоторая часть известного нам материала еще должна быть найдена: о существовании 13 произведений мы располагаем пока еще лишь косвенными сведениями.

е/ В круг сбора в принципе вовлекалась только художественная литература. От этого правила в сторону некоторого расширения мы отступили лишь в очень немногих случаях, находя, например, публицистику, письма и т.п. наиболее значительных советских писателей, частично или целиком посвященных венгерской теме, и считая, что даже небольшое проявление их внимания или несобственно беллетристические выступления важны: они в свое время формировали мнение широких масс. Есть, с другой стороны, два разряда произведений, не учтенных при нашем разборе: статьи, предисловия и интервью о венгерских писателях, а также интервью, данные советскими писателями для венгерской печати о своих здешних впечатлениях.

5. Для осознания всего нового, внесенного советской литературой в общую картину о Венгрии и о венграх необходимо

хотя бы напомнить о наследии русской литературы XIX в. в этом плане.

В ту исторически складывающуюся картину, в которой вырисовываются представления о Венгрии и венграх у "среднего образованного русского" XIX века по свидетельству художественной литературы и через нее, входит, в основном, совпадающий в некоторых чертах с западным стереотип со следующими основными компонентами: а/ музыкальность /главные питающие источники: концерты Ф. Листа, гастрольные многочисленные венгерских цыганских оркестров/, б/ венгр как солдат /здесь 1849 служит основным источником, наперекор установкам официальной царской политики/, в/ к этому примыкают распространившиеся в стране части одежды, восходящие главным образом к одежде венгерских гусар, и, наконец, г/ вина, и в первую очередь многовековая слава токайского²².

Некоторую конкретизацию в эти стереотипы вносят Гоголь /легенда о Трансильвании-Семиградье в "Страшной мести"/²³, Чернышевский /знакомство Лопухова с венгерскими революционерами-эмигрантами в "Что делать?"/²⁴, Добролюбов /упоминание венгров в перечне борющихся и пробуждающихся народов в статье "Когда же придет настоящий день?"; оценка, клеймящая в одном ряду с австрийским палачом венгерской революции Гайнау венгерского генерала Ф. Дьюлаи за выступление против войск

---

22 На основе следующих произведений: "Борис Годунов" Пушкина, "Листу" П. Вяземского, "Мертвые души" Гоголя, "Говорун" и "Кому на Руси жить хорошо?" Некрасова, "Бедный князь наследник" Огарева, "Запутанное дело" Салтыкова-Щедрина, "Война и мир" и "Воскресение" Л. Толстого.

23 Н.В. Гоголь. Собр. соч. в 4 тт. Изд. "Правда". М., 1952, т. I, стр. 139-149.

24 Н.Г. Чернышевский. Что делать? Л., 1950, стр. 275.

Гарибальди²⁵, Салтыков-Щедрин /сатирическая фигура купца Парамонова в "Современной идиллии", пожертвовавшего крупную сумму в честь победы над "мятежными венграми"/^{25а} и Л. Толстой /отражение характерного момента женской пауперизации - появления венгерок" в увеселительных домах России конца XIX века в "Воскресении"/²⁶. За исключением этого последнего - все это позитивные моменты, благодаря которым "венгр", "венгерское" в течение целого столетия обретает положительное, даже сочувственное содержание, но в любом случае лишено даже тени того пейоративного привкуса, который вызывается в определенных ситуациях национальными представлениями о некоторых других нациях.

На это резонно возразить: это представление о нас настолько же неполно, насколько односторонняя диаметрально противоположная картина о венграх, отмеченная Ш. Экхардтом; пользуясь терминологией Ласло Немета, вместо "фантомизации" там здесь явно имеет место "легендаризация". При всем этом, однако, вряд ли представляется целесообразным игнорировать то, что целое столетие было настолько однозначно положительным. Изменение в сторону дальнейшей конкретизации и обогащения принесут исторические вехи, ознаменованные установлением тесных и конкретных контактов - 1917-1919 и 1945 годы.

²⁵ Н.А. Добролюбов. Собр. соч. в 3 тт. ГИХЛ. М., 1950, т. III, стр. 50; Стихотворения. Малая сер. "Библиотека поэта", 1962, стр. 172.

Поиски разнообразных откликов на венгерскую революцию 1848-49 гг. могут дать еще обширный материал, причем из самых неожиданных источников. Об этом свидетельствуют хотя бы такие примеры. М. Копшицер в своей книге о С.И. Мамонтове /Изд. "Искусство", М., 1972, стр. 8/ упоминает о медали, выбитой по приказу Николая I в память о подавлении революции. А один из рядовых персонажей романа П. Мельникова /Печерского/ "В лесах" вспоминает о "венгерской кампании" /т. II, стр. 497/.

^{25а} Rév M. Szaltikov-Scsedrin fogadtatása és értelmezése Magyarországon /1859-1945/. Filológiai közlöny, 1968. 1-2. sz. стр. 119.

²⁶ Л.Н. Толстой. Воскресение. ГИХЛ, 1949, стр. 395-396.

Своеобразным мостом, переходом между русской литературой XIX в. и советской литературой, как бы непосредственной традицией для нашей темы могут служить "венгерские следы", которые мы находим, напр., в дореволюционных произведениях М. Горького /из собранных Э. Балецким как наиболее характернее выделим здесь старика Данило - бывшего солдата армии Кошута из "Макара Чудры"/²⁷, А. Блока /задуманная им в 1908 году поэма о венгерской графине/²⁸, в сатирической литературе 1906-1907 гг.²⁹ и у Н. Асеева /"Венгерская песнь" 1916 г., навеянная, вероятно, встречами с венгерскими военнопленными в Восточной Сибири/³⁰.

Новые взаимоотношения, выразившиеся в относительно массовом и уже не экзотически конкретном появлении образов венгров и венгерских тем в произведениях советских писателей, породили и новое качество. Его родники необходимо искать, без сомнения, в событиях русской и венгерской революции 1917-1919 гг. Вслед за спорадическими и разнообразными моментами в произведениях XIX и начала XX вв. качественно новое ощущение внутренней близости возникает в результате духовно-идейного сближения наших народов в совместной борьбе за Советскую власть в России и в деятельной поддержке революционной России просуществовавшей 133 дня Венгерской Советской Республикой 1919 года.

Наиболее ранними памятниками этого сближения мы считаем три стихотворения, появившиеся в печати в первые три года революции. Они как бы обрамляют эти революционные годы и вместе с тем выражают, так сказать, три различных этапа этого сближения.

---

²⁷ См. № 19.

²⁸ А.А. Блок. Соч. в 2 томах. Изд. Худ. лит. М., 1955, т. I. стр. 709.

²⁹ Е. Венский. Издатель. Русская стихотворная сатира 1908-1917 гг. Большая серия Библ. поэта. "Советский писатель". Л., 1974, стр. 369-370; Саша Черный. Искатель. Стихотворения. Малая серия Библ. поэта, "Советский писатель". М-Л., 1972, стр. 73-74.

³⁰ Н. Асеев. Стихотворения и поэмы. Большая серия Библ. поэта. "Советский писатель". Л., 1967, стр. 93.

В июле 1918 года за подписью "Красноармеец" в московской "Правде" печатается стихотворение "Памяти Антона Хорак" - о венгерском солдате интернационального отряда, убитом при взятии московского почтамта во время мятежа левых эсеров. В большом /7 строф четверостишиями/ стихотворении в форме обращения к погибшему товарищу прослеживается его путь от вражеского солдата до бойца революции³¹.

Немногим более года спустя, в августовские дни 1919 года, известный пролетарский поэт И.Г. Филипченко на страницах той же "Правды" выражает уверенность в бессмертии недавно подавленной венгерской коммуны как важнейшего звена в длительной цепи попыток человечества к своему окончательному освобождению³².

И, наконец, о том, что советская литература в эти годы окончательно определяет не только свои симпатии, но четко адресует и свои антипатии, свидетельствует "Окно РОСТА" № 444 /октябрь 1920 г./. Здесь Маяковский стихами и рисунками клеймит палача венгерской революции адмирала Хорти, обнажая его антинародную сущность, роднящую его с деятелями типа

---

³¹ Красноармеец. Памяти Антона Хорак. "Правда", 1918, 12 июня.

³² И.Г. Филипченко. Венгрии. "Правда", 1919 21 августа. Содержание этого произведения как бы перекликается с двумя стихотворениями Д. Бедного 1919 г., частично содержащими отклики на Венгерскую Советскую республику: "Баллада /Меньшевистская/", опубликованной в "Правде" за 13 апреля, и "Не теряйте, товарищи, веры высокой" в "Петроградской правде" за 7 августа. См. их во 2 т. Собр. соч. в 5 тт. М., 1954.

барона Врангеля³³.

/Рассматривая все еще полосу антипатии, укажем: через шесть лет с Маяковским перекликается очерк нелегально побывавшего в Будапеште М. Кольцова "Это могло быть"³⁴. Во время Великой Отечественной войны сочувствие И. Эренбурга к венгерскому гонимому, который "попал в Россию как кур во щи"³⁵, так же направлено против антинародных сил, как в последние дни 1944 г. желчная эпиграмма С. Маршака на Салаши - главаря венгерских фашистов, дорвавшихся на короткое время к государственной власти³⁶. В романе Ю. Семенова "Весна 1941 г." по этой же причине уделяется немалое место политике Телеки и Хорти³⁷.

Идейно-эмоциональное отношение советских писателей к Венгрии и венграм определялось, безусловно, памятным для них участием ста тысяч наших бывших военнопленных в гражданской войне на стороне Советской власти³⁸.

---

³³ В. Маяковский. Полное собр. соч. в 13 тт. т. 3, 1957, стр. 184.

³⁴ М.Е. Кольцов. Избр. произведения в 3 тт. ГИХЛ, 1957, т. , стр. 44-53.

³⁵ И.Е. Эренбург. Война. /Апрель 1942 - март 1943 г./, ГИХЛ, 1943, стр. 68-70. См. также статьи "Жалобы венгерской девы" и "Звстенчивый лакей" в следующем томе публицистики писателя: Война. /Апрель 1943 - март 1944 гг./, 1944, стр. 64-66.

³⁶ С.Я. Маршак. Разговор под Новый год между псами двух господ. "Правда", 1945, 1 января.

³⁷ Ю. Семенов. Весна 1941 г. Воениздат, 1981.

³⁸ А. Йожа - Д. Милеи. Венгерские интернационалисты в борьбе за победу Октября. М., "Прогресс", 1977.

Поэтому в многочисленных художественных произведениях, посвященных участию венгерских интернационалистов в вооруженной борьбе против интервенции, начиная с современников, воспевавших подвиг своих вчерашних соратников - С. Щипачева³⁹, Вл. Бахметьева⁴⁰, П. Шубина⁴¹, Вс. Иванова⁴², К. Подзелинского⁴³, Л. Первомайского⁴⁴, Вс. Азарова⁴⁵ и до авторов последних десятилетий, посвящающих свои стихи, драмы, романы красным мадьярам - погибшим в безвестной пермской деревне /Ис. Трайнин⁴⁶/, Карою Лигети /Вас. Федоров⁴⁷, Н. Яценко⁴⁸/, героям, в честь которых место их гибели поны-

---

39 С. Щипачев. Фронтовики. М., 1933.

40 Вл. Бахметьев. У порога. Из плена лет. М. "Советский писатель", 1950, стр. 57 и далее.

41 П. Шубин. Слово об Иване Зриньи. - Стихи и поэмы, 1958.

42 Вс. Иванов. Лощина Кара-Сор. - Рассказы. М. "Советский писатель", 1963, стр. 37-45.

43 М. Подзелинский. Тереза из Сегедина. - "Красное слово" /Харьков/, 1928, № 1-2, стр. 42-50.

44 Л. Первомайский. Цикл "Венгерская рапсодия". - Стихотворения и поэмы. 1955. "Художественная литература".

45 Вс. Азаров. Утес над Амуром. - День поэзии. Л., 1962, с. II.

46 Ис. Трайнин. Обелиск. - "Звезда", 1969, № 3.

47 Вас. Федоров. Флаги на ветру. "Правда", 1968, 1 февраля. В параллель упомянутым ниже многочисленным художественным памятникам М. Залка на территории СССР отметим здесь бронзовый памятник работы Ф. Бугаенко, поставленный Карою Лигети в Будапеште к 60-летию Венгерской Советской республики. Об этом см. Lőkös Z. Támogetó korrekció Ligeti-ügyben. - Élet és irodalom, 1982, ápr. 2. 2. p.

48 Н. Яценко. Красные мадьяры. Иркутск, 1980.

не, уже и на картах, носит название "Мадьярский пережат" /Ю. Гольдман⁴⁹/, как ведущая нота звучит благодарность венгерским братьям по классу, помогавшим завоевать свободу.

С другой стороны, советские писатели и поэты четырех поколений посвящают свои произведения второй в мире Республике Советов - венгерской коммуне 1919 года. Так, Л. Первомайский мыслит ее как звено между 1848 и 1945 гг.⁵⁰ Ю. Гойда рисует бывшего военнопленного венгра, несущего из России ленинскую правду⁵¹. В стихах Ис. Трайнина встает образ Бели Куна⁵², а в документальной повести Тельмана и Рабичкина рассказывается о полете Т. Самуэли в Москву, к Ленину⁵³. В. Пухначев выражает нерасторжимое единство 1917 и 1919 гг.⁵⁴ Продолжателями 1919 и предтечей 1945 гг. выступают венгерские рабочие-подпольщики - герои рассказов Г. Холопова⁵⁵ и созданной по фольклорным мотивам поэмы Ю. Гойды⁵⁶.

В ряду венгерских интернационалистов, изображаемых в советской литературе, особое место принадлежит выдающемуся революционеру, герою трех народов - Матэ Залка /генералу Лукачу/. Его легендарная фигура уже при жизни вошла в литературу: в образе лейтенанта Шайно /в журнальной публикации еще Залка/ в "Рожденных бурей" Н. Островского нетрудно обнару-

---

⁴⁹ Ю. Гольдман. Мадьярский пережат. "Байкал", 1963, № 5. Обозначение Мадьярского пережата см.: Атлас СССР, 1962, стр. 57, квадрат Б-9.

⁵⁰ Л. Первомайский. Клятва. См. под № 44.

⁵¹ Ю. Гойда. Рождение сказки. "Советский писатель", 1955.

⁵² Ис. Трайнин. Послание Ирине Кун Белане. "Звезда", 1969, № 3.

⁵³ И. Тельман - Б. Рабичкин. Пять лучей звезды. "Радянський письменник", 1966.

⁵⁴ В. Пухначев. 1919. - Признание. Новосибирск, 1980, стр. 304.

⁵⁵ Г. Холопов. Венгерские рассказы. - Мозаика. Л., "Советский писатель", 1973.

⁵⁶ Ю. Гойда. См. под № 51.

жить черты венгерского друга писателя⁵⁷. Героическая гибель М. Залка в Испании вызвала - и поныне продолжает вызывать - живой поток литературных откликов⁺. Выдержавшие испытание временем стихотворения К. Симонова⁵⁸ и М. Исаковского⁵⁹, С. Васильева⁶⁰ и С. Головановского⁶¹, Л. Первомайского⁶² и А. Прокофьева⁶³, А. Архангельского⁶⁴ и С. Щипачева⁶⁵, А. Недогонова⁶⁶ и Я. Смелякова⁶⁷, воспоминания И. Эренбурга⁶⁸ и

⁺ Это относится не только к советской литературе: проникновение строки Э. Хемингуэя, поэма Николаса Гильена, стихи аргентинца Рауля Гонсалеса Тульона, проза Ж.-Р. Блока и Л. Ренна увековечивают его на всех мировых языках.

- ⁵⁷ Н. Островский. Рожденные бурей. "Молодая гвардия", 1935, № 7, стр. 77. Об их дружбе см. Н. Богданов. Счастье Н. Островского. "Знамя", 1966, № 4, стр. 138-140.
- ⁵⁸ К.М. Симонов. Генерал. - Собр. соч. в 6 тт. ГИХЛ, 1966, т. I. стр. 20.
- ⁵⁹ М.В. Исаковский. Песня о генерале Лукаче. "Красная новь", 1938, № 2.
- ⁶⁰ С. Васильев. Гордость. "Огонек", 1938, № 19.
- ⁶¹ С. Головановский. Памяти друга. "Радянська література", 1938, № 1; Встреча солнца на Чернечьей горе. "Знамя", 1941, № 5.
- ⁶² Л. Первомайский. Последняя встреча. "Новый мир", 1938, № 8.
- ⁶³ А. Прокофьев. Генерал Лукач. - День поэзии. Л., 1969, стр. 126.
- ⁶⁴ А. Архангельский. - Кукрыниксы: Почти портреты. Федерация, 1932.
- ⁶⁵ Scsipačov Sz. Fiuk. Uj Hang, 1938, 6. sz. 27.
- ⁶⁶ А. Недогонов. У моря. - Возвращение. М., "Советский писатель", 1959.
- ⁶⁷ Я. Смеляков. Пирушка в Испании. "Литературная газета", 1968, № 18.
- ⁶⁸ И.Г. Эренбург. Генерал Лукач. - "Интернациональная литература", 1937, № 8.

М. Кольцова⁶⁹, Ю. Либединского⁷⁰ и Вс. Вишневского⁷¹, статьи В. Шкловского⁷² и Ю. Олеши⁷³, пьеса Б. Лавренева⁷⁴, десяток рассказов, повестей и романов⁷⁵ - это лишь малая доля написанного о нем на русском языке. Число произведений о нем /считая только литературные, т.е. отвлекаясь от многочисленных портретов в изобразительном искусстве, начиная с шаржей Кукрыниксов⁷⁶ и Мордмилловича⁷⁷ и кончая бронзовыми бюстами и мемориальными горельефами, установленными в Москве, на Украине, в Сибири и т.д./ превышает сотню. Основываясь на этих данных, вполне можно утверждать, что из всех венгерских деятелей, наряду с Петефи, образ М. Залка больше всех занимает иностранных, в том числе советских писателей, его судьба для них - источник творческого вдохновения и повод для идейно-нравственных размышлений⁺⁺.

⁶⁹ М.Е. Кольцов. Испанский дневник. "Новый мир", 1938, № 6.

⁷⁰ Libegyinszkij J. A testvériség jelszava. Szovjet híradó. 1957, nov. 7.

⁷¹ В. Вишневский. Собр. соч. в 6 тт. т. 6, 1961, стр. 72-76. Воспоминания ряда деятелей украинской литературы напечатаны в сборнике "Про Мате Залку. Спогади, зариси". Київ, "Радянський письменник", 1979.

⁷² В. Шкловский. Мате Залка. "Знамя", 1938, № 8.

⁷³ Ю. Олеши. Роман М. Залка "Добердо". "Литературная газета", 1937, № 45.

⁷⁴ Б. Лавренев. Начало пути. "Звезда", 1938, № 5.

⁷⁵ В. Шехметов. Друг. "Знамя", 1938, № 8; Ю. Дмитриев. Золотой поезд. Трудрезервиздат, 1959; Г. Шелест. В те дни. - Горячий след. Хабаровск, 1959; М. Тихомиров. Генерал Лукач. М., Изд. Молодая гвардия, 1963. О грубых ошибках изображения М. Залки в романе Н. Шпанова "Поджигатели" см. Győrkei Jenő. Legenda és valóság /Adalékok Zalka Mátyé életrajzához/, Valóság, 1980, 12. sz.

⁷⁶ См. под № 64, а также в "Литературной России", 1963, № 7.

⁷⁷ Э. Мордмиллович. Мате Залка. Дружеский шарж. "Советская культура", 1931, 7 марта.

⁺⁺ Такого рода стереотипии, диктующие доминантность определенных тем, в частности, персональных, наблюдаются в советской литературе и в отношении других народов, напр., польского /Мицкевич, Шопен, Дзержинский/, немецкого /Маркс, Тельман, Зорге/, чехословацкого /Дворжак, Фучик/, болгарского /русско-турецкая война 1877-78 гг., Димитров/ и др.

Пожалуй, не ошибемся, если предположим, что начало большой популярности Шандора Петёфи в СССР положил еще А.В. Луначарский, назвавший его в предисловии к сборнику стихов 1925 года "большевиком своего времени"⁷⁸. Уже в 1929 г. наш поэт становится героем поэмы Ан. Кудрейко⁷⁹. К известным стихам о Петёфи⁸⁰, появившимся благодаря фронтовой встрече с родными местами нашего великого земляка, Л. Первомайский идет еще с довоенных лет, в тесном общении с М. Залкой и другими писателями-эмигрантами. /Об этом свидетельствует его стихотворение "1848-49", напечатанное уже в 1936 г. в газете "Кашшаи Мункаш"/⁸¹. Образ Петёфи, особенно после выхода в начале 50-х гг. его 4-томного собрания сочинений на русском языке, продолжает занимать советских писателей. Ряд послевоенных стихов Б. Кежуна⁸², Ис. Трайнина⁸³ и Г. Леонидзе⁸⁴ не менее характерны в этом ряду, чем стихотворные произведения Л. Мартынова⁸⁵, Л. Решетникова⁸⁶, Г. Рзаева⁸⁷, повесть И. Лахта⁸⁸ или

⁷⁸ А.В. Луначарский. Статьи о литературе. ГИХЛ, М., 1957, стр. 605.

⁷⁹ Ан. Кудрейко. Цикл "Мадьяр". - Осада. Изд. Молодая гвардия, М., 1929.

⁸⁰ Pervomajszkij L. Petőfi Sándornak. Szovjet irodalom, 1978, 4. sz.

⁸¹ Pervomajszkij L. 1848-1919. Munkás /Kassa/, 1936, szept. 27.

⁸² Бр. Кежун. Памятник Петёфи в Будапеште. "Звезда", 1949, № 4.

⁸³ Ис. Трайнин. Баллада о Шандоре Петёфи. "Звезда", 1969, № 3.

⁸⁴ Г. Леонидзе. Чтобы стать звездой. - Стихи и поэмы. М., 1955.

⁸⁵ Л. Мартынов. Воздушные фрегаты. Изд. "Современник", М., 1974, стр. 296-303; Новый костюм. - Земная ноша. "Современник", М., 1976.

⁸⁶ Л. Решетников. Земное притяжение. М., "Советский писатель", 1963.

⁸⁷ Г. Рзаев. Мост Петёфи. - "Литературный Азербайджан", 1970, № 7.

⁸⁸ Lacht I. Petőfi Sándor, a pesti Divatlapok segédszerkesztője. Szovjet irodalom, 1978, 4. sz. 115.

пьеса И. Синельниковой^{88а}, появившиеся за последние годы.

Освоение ближайших и непосредственно революционных тем естественно породило интерес к историческим традициям венгерского народа. Он проявляется в обращении не только к прямой теме 1848-49 гг. /кроме указанного стихотворения Первомайского, сюда относятся поэма П. Антоновского "1848"⁸⁹ и повесть М. Алейникова и Е. Яхниной⁹⁰/, но и в более широком охвате прогрессивного прошлого страны. Имеются в виду такие разные произведения, как навеянная фольклорными мотивами "Гортобадская баллада" Ю. Гойды о доле бедняка-пастуха в помещицкой Венгрии⁹¹, глава "Языческой поэмы" Ю. Шесталова о венгерском монахе Юлиане, отправившемся в начале XIII в. в поиски прародины венгров в Поволжье⁹², написанная еще в молодости повесть Н. Тихонова о знаменитом венгерском землепроходце, исследователе Внутренней Азии А. Вамбери⁹³, стихотворение Б. Слуцкого об известном путешественнике А. Йелки⁹⁴ и др. (Несколько особняком стоит пока в этом ряду роман Ч. Амирэджиби, где одним из центральных персонажей является обрусевший венгр граф Сегеди^{94а}). Стихи В. Лагоды об Ади - наиболее раннее признание братскому гению⁹⁵. О глубоко понимании венгерской культуры свидетельствуют стихи

88а Szinyelnyikóva I. A költő szerelme. - Délmagyarország, 1966. júl. 31.

89 Antonovszkij P. 1848. - Forum, 1949, 3. sz.

90 М. Алейников - Е. Яхнина. Разгневанная земля. Детгиз, 1958.

91 Ю. Гойда. Избранное. 1966.

92 Sesztalov J. Julián barát. Tiszatáj, 1972, 2. sz.

93 Н.С. Тихонов. Вамбери. "Мысль", М., 1974.

94 Б. Слуцкий. Кругосветский путешественник. Szovjet irodalom, 1978, 4. sz.

94а Ч. Амирэджиби. Дата Туташиа. "Советский писатель", М., 1981.

95 В. Лагода. За нашими Карпатами. М. "Советский писатель", 1954.

Ю. Шкробинца, посвященные М. Радноти, Ж. Морицу и А. Йожефу^{95а}. Предисловия лучших мастеров современной литературы /Мартынова, Залыгина, Самойлова и др./ к сборникам избранных произведений наших классиков содержат ценный материал для будущего исследователя русско-венгерской литературной типологии.

Общность судеб и внутреннее родство двух народов в течение тысячелетия - тема ряда историко-философских стихотворений Л. Мартынова⁹⁶. Миром венгерских мелодий навеяны "Мелодия Брамса" А. Тарханова⁹⁷, стихи Л. Поповой о Ф. Листе⁹⁸, Белшевицы о Бартоке⁹⁹ и др. Полные страстной энергии танцы нашего народа получают образное отражение, напр., в "Цыганской венгерке" В. Казина¹⁰⁰ и "Курсантской венгерке" В. Луговского¹⁰¹, "Чардаше" Р. Рождественского¹⁰² и "Мадьярской корчме" П. Вегина¹⁰³.

Заслуживают упоминания даже беглые зарисовки венгров в "Хулио Хуренито" И. Эренбурга, "Мятеже" Д. Фурманова, "Тихом

95а Skrobinec J. Keressetek engem. Kárpáti Igaz Szó /Uzshorod/, 1979. május 6; Tisztelgés Tiszacsécse előtt; Zsigabácsi a népdalokat hallgatta. Kárpáti Igaz Szó, 1979. július 1; József A. Kárpáti Igaz Szó, 1980. április 13.

96 Л. Мартынов. Евразийская баллада. "Юность", 1967, № 7; Magyar szavak. Népszabadság, 1965. május 22; Barátságunk. Szovjet irodalom, 1975, 2. sz. Воспоминания о Бюде. - Золотой запас. 1981, "Советский писатель".

97 А. Тарханов. Утренний бор. Свердловск, 1972.

98 Porova L. Magyar rapszódia. Nők lapja, 1967, március 11.

99 В. Белшевица. Квартет Бартока. "Даугава", 1978, № 3.

100 В. Казин. Избранное. "Художественная литература". М., 1972.

101 В. Луговской. Стихи и поэмы. т. II, 1971, стр. 83-84.

102 Р. Рождественский. За двадцать лет. "Художественная литература". 1973.

103 П. Вегин. Лет лебединый. М., 1974.

Доне" Шолохова, "Хождении по мукам" А. Толстого, "Двенадцати стульях" Ильфа и Петрова и "Молодой гвардии" Фадеева.

Во многих произведениях о Великой Отечественной войне не получают отражение венгры и Венгрия, бои за ее освобождение, мысли персонажей - советских солдат и офицеров о судьбах нашего народа. В разное время многие из этих произведений печатались и в венгерских переводах¹⁰⁴.

Нельзя не учитывать в самом начале откликов С. Маршала¹⁰⁵, Д. Бедного¹⁰⁶ и А. Жарова¹⁰⁷ на события 1944-45 гг. в Венгрии. Появившееся сразу после окончания войны стихотворение М. Исаковского "Враги сожгли родную хату" - одно из самых поэтических творений советской поэзии.¹⁰⁸

Наибольший интерес представляют возникшие по горячим следам событий циклы стихов участников освободительных боев С. Гудзенко¹⁰⁹ и А. Недогонова¹¹⁰. Они, так же, как и книга очерков С.С. Смирнова "В боях за Будапешт"¹¹¹, "Венгерский дневник" П. Лукницкого¹¹² передают жаркое дыхание самих "боев за Буду" и за "переправу в Дунафельдваре", а вслед за этим и первые шаги дружеского общения "русских в пилотках" с простыми венграми, личное ощущение войнами своей освободительной миссии. Написанные уже позднее, но также

---

¹⁰⁴ A Volgától a Dunáig. Szovjet költők a magyarokról. UMK, 1951; Magyar földön. Szovjet írók elbeszélései Magyarország felszabadulásáról. Európa, 1975.

¹⁰⁵ См. под № 36.

¹⁰⁶ Д. Бедный. Неизлечимо больной, или издыхающий Гитлер. "Известия", 1944, 17 декабря; Хозяин. "Комсомольская правда", 1945, 28 января. См. в Собр. соч. т. 5 /1954/, стр. 208 и 222.

¹⁰⁷ А. Жаров. Героям Будапешта. "Красная звезда", 1945, 14 февраля.

¹⁰⁸ М.В. Исаковский. Собр. соч. т. 2, "Художественная литература", 1968.

¹⁰⁹ С. Гудзенко. Избранное. "Советский писатель", 1957, стр. 80-94, 112.

¹¹⁰ А. Недогонов. Избранное. "Советский писатель". М., 1955, стр. 155-189.

¹¹¹ С.С. Смирнов. На полях Венгрии. М., 1954. "Молодая гвардия".

¹¹² Luknyickij P. Magyarországi napló. Kossuth - Zrinyi, 1980.

на основе личных впечатлений "Знаменосцы" О. Гончара¹¹³, "Дальние дороги" Бр. Кежуна^{113а}, "На берегу Дуная" И. Маркина¹¹⁴, "Шуми, Дунай!" Б. Бурлака¹¹⁵, "Фронтовые страницы" Вас. Быкова¹¹⁶, "Кофе по-будапештски" Л. Первомайского¹¹⁷, "По следам фронтового дневника" М. Поляновского¹¹⁸, книги очерков Ю. Стрехнина¹¹⁹, Г. Холопова¹²⁰ и др. воссоздают достоверную атмосферу тех исторических месяцев.

И эта тема не стареет: она вновь и вновь возникает различными своими гранями - в стихах К. Ваншенкина¹²¹, Л. Решетникова¹²², Б. Слуцкого¹²³ и Ю. Левитанского¹²⁴ 60-70-х

-
- ¹¹³ О. Гончар. Знаменосцы. "Молодая гвардия", 1950.
- ^{113а} Бр. Кежун. Дальние дороги. "Советский писатель". Л., 1950.
- ¹¹⁴ И. Маркин. На берегу Дуная. "Молодая гвардия", 1953.
- ¹¹⁵ Б. Бурлак. Шуми, Дунай! Воениздат, 1951.
- ¹¹⁶ Вас. Быков. Фронтовые страницы. "Известия", 1972, 7 марта.
- ¹¹⁷ Л. Первомайский. Кофе по-будапештски. "Огонек", 1960, № 27. См. также стихотворения на венгерскую тему в сб. Стихотворения и поэмы. М., 1955 и венгерские очерки в сб. Творческие будни, 1972.
- ¹¹⁸ М. Поляновский. По следам фронтового дневника. "Знание". М., 1965. О послевоенных встречах автора с героями своих записных книжек военных времен рассказывает в книге "По следам фронтового дневника". М., "Знание", 1965.
- ¹¹⁹ Ю. Стрехнин. Отряд "Бороды". Невыдуманные истории. М., ДОСААФ, 1963.
- ¹²⁰ Г. Холрпов. Будапештские баллады. - Избранные произведения. Л., "СП", 1974.
- ¹²¹ К. Ваншенкин. Будапешт. "Звезда", 1971, № 2.
- ¹²² Л. Решетников. Осенний звездопад, 1975, а также венгерские новеллы в сб. Четыре стороны сыета. Воениздат, 1973.
- ¹²³ Szluckyj M. Magyar tavasz. Délmagyarország, 1958, április 4.
- ¹²⁴ Ю. Левитанский. Окрестности, пригород. Szovjet irodalom. 1978, 4. sz.

годов и в прозе последнего десятилетия - у В. Матова¹²⁵, А. Ананьева¹²⁶, Г. Бакланова¹²⁷, К. Токарева¹²⁸ и др. Открытием для самих венгров явилось документальное в своей основе повествование М. Поляновского о венгерской девушке - бесстрашной советской партизанке Татьяне Бауэр^{128а}. Стала широко известной отразившаяся и в поэзии дружба, возникшая между поэтом Лёринцем Сабо и спасшим его с семьей киргизским собратом по перу в военной форме Темиркулом Уметалиевым^{128б}. Это последнее выводит нас на просторы многонациональной литературы СССР, в которой освободительная тема также постоянно присутствует. Доказательством тому - написанные в разные послевоенные десятилетия стихотворения Г. Леонидзе¹²⁹, М. Нагнибеды¹³⁰, Р. Ованесяна¹³¹ и многих других.

По своему духу к этой большой группе произведений при-
мыкают и циклы стихов Е. Долматовского¹³² и Л. Решетникова¹³³ и романы А. Авдеенко¹³⁴ и Дм. Сергиевича¹³⁵ и

¹¹²⁵ В. Матов. Венгерская рапсодия. "Огонек", 1954, № 3.

¹²⁶ Ananyev A. Ócsa. Naplójegyzetek. Kortárs, 1975, 4. sz.

¹²⁷ Гр. Бакланов. Южнее главного удара. М., 1961, "Советский писатель".

¹²⁸ Токарев. Буда жаждет. 1972.

^{128а} Poljanovszkij M. A felderítő leány. Kossuth, 1970.

^{128б} Szabó L. Temirtul Umetalinak. - Összegyűjtött versei. 1962. 1055; Umetaliev T. Nem feledtem Budapestet. Vigilia, 1970, 4. sz.

¹²⁹ Г. Леонидзе. Бидзина Кукураули. - Шио. - Памятник советским воинам на горе Геллерт. - Стихи и поэмы, 1955.

¹³⁰ М. Нагнибеда. Глядя на скульптуру в Будапеште. - В сб. Дорогами жизни. М., 1960.

¹³¹ Ovaneszjan R. A Gellért-hegyen. Népszabadság, 1968. május 25.

¹³² Е. Долматовский. В Венгрии весной 1957 года. М., "Советский писатель", 1957.

¹³³ Л. Решетников. Венгерскому другу. См под № 122.

¹³⁴ А.О. Авдеенко. Черные колокола. "Советская Россия", 1963.

¹³⁵ Дм. Сергиевич. Гроза на рассвете. "Маяк", Одесса, 1973.

др.^{135а} о братской помощи Советской Армии в подавлении контр-революции 1956 года. Венгерской интеллигенции особенно памятно полное искреннего беспокойства выступление М. Шолохова в декабре 1956 года по поводу только что отгремевших событий¹³⁶.

Особое место занимают, наконец, произведения, написанные о нас советскими писателями в мирные десятилетия на основе непосредственного знакомства и общения. Многие советские писатели как старшего, так и младшего поколения, от Леонова и Федина, Шолохова и Эренбурга до Евтушенко и Петра Вегина побывали уже в Венгрии, некоторые из них - неоднократно. И поскольку ежегодно к нам приезжает несколько десятков советских литераторов и все они стремятся ближе познакомиться со страной и ее людьми, а определенная доля их впечатлений "оседает" и в печатной форме, то понемногу этот материал будет составлять уже основное ядро произведений, относящихся к нашей теме в целом.

Даже приблизительная "классификация" этой литературной продукции по отдельным признакам /начиная, напр., с деления на более конкретные, частные темы/ выходит за рамки задач этой статьи так же, как и кропотливая /уже по существу, поскольку по качеству/ работа отсева явно туристического от пронизанного большой мыслью. Это может быть задачей лишь одного из следующих этапов обработки нашего "фонда".

Здесь допустимо лишь выразить общее впечатление об основном различии произведений 1945-56 гг. и написанных уже за последние четверть века. Наиболее содержательное в первом послевоенном десятилетии /"Венгерские встречи" Э. Казакеви-

---

^{135а} Вл. Комиссаров. Острые камни дорог. Роман. "Советский писатель". М., 1966; В. Фирсов. Восставший над громом /поэма/. В сб.: Стихи. Книга лирики. "Молодая гвардия", 1972, стр. 146-149.

¹³⁶ М.А. Шолохов. Заявление корреспонденту газеты "Непсабадшаг". "Правда", 1956, 27 декабря.

ча¹³⁷, очерки Л. Леонова¹³⁸, Б. Полевого¹³⁹ и Н. Тихонова¹⁴⁰, циклы стихов Лагоды¹⁴¹ и Гойды¹⁴², Леонидзе¹⁴³, Ошанина¹⁴⁴ и Решетникова¹⁴⁵ / выражало, в основном средствами публицистики, искреннее, хотя местами и наивно-восторженное восхищение новью, рождавшейся в те годы на венгерской земле. Лучшее из возникающего со второй половины 50-х гг., в жанрах путевых ли заметок /Ю. Нагибин¹⁴⁶/, бытовых очерков и рассказов /Л. Квин^{146а}/, цикла философских /Л. Мартынов¹⁴⁷/, пейзажно-импрессионистских /С. Кирсанов¹⁴⁸, Р. Рождественский¹⁴⁹, Д. Самойлов¹⁵⁰/, автобиографических /Ю. Шкро-

-
- 137 Э. Казакевич. Венгерские встречи. "Новое время", 1954, № 27.
- 138 Л. Леонов. Венгерская весна. "Правда", 1948, 31 марта.
- 139 Цикл очерков Б. Полевого в "Правде" /6-28 октября 1949 г./.
- 140 Н.С. Тихонов. Венгерские записи. "Литературная газета", 1950, 5 апреля.
- 141 В. Лагода. См. под № 95.
- 142 Ю. Гойда. Наши соседи. Цикл стихов. - Рождение сказки. "Советский писатель", 1955; Угорські мелодії. "Радянський письменник". К., 1954.
- 143 Г. Леонидзе. Цикл стихов "Здравица Венгрии". - Стихи и поэмы, 1955.
- 144 Л. Ошанин. Цикл стихов "Новая Венгрия". - Беспокойные сердца, 1951.
- 145 Л. Решетников. Цикл "Венгерская тетрадь". - Земное приращение. М., 1963; цикл "За пограничной станцией". - Осенний звездопад. М., 1975.
- 146 Ю. Нагибин. Цикл "Дороги - встречи". - Чистые пруды. "Московский рабочий", 1962.
- 146а Л. Квин. Привет, Йошка! Рассказы о ребятах новой Венгрии. Новосибирск, 1962.
- 147 См. под № 96.
- 148 С. Кирсанов. Цикл "Стихи о загранице". - Избранные произведения в двух томах, 1961.
- 149 Р. Рождественский. Полны подвалы Эгера. - Возвращение. Петрозаводск, 1972; Идете не спеша. Szovjet irodalom, 1978, 4. sz.
- 150 Д. Самойлов. На Дунае. - Сиглигет. - Избранное. 1980.

бинец¹⁵¹ / или "персональных" стихов /Евтушенко о Жуже Раб¹⁵², М. Дудин о Маргит Ковач¹⁵³, Д. Суханов о М. Ваци¹⁵⁴/ направлено на поиски понимания общественно-идеологических перемен в облике дружественного народа, на осознание особенностей его мышления, национального характера, на уяснение общих историко-психологических судеб. В произведениях самых последних лет наблюдается уже то, что в отчетном докладе XXVI съезда КПСС получило формулировку: "учиться у братской Венгрии"¹⁵⁵. Плодотворными для взаимного и углубляющегося знакомства оказываются и растущие побратимные связи городов и областей ВНР и СССР. /Примерами могут служить совместные сборники стихов поэтов Ноградской и Кемеровской областей¹⁵⁶, а также Сегеда и Одессы¹⁵⁷. Благодаря киргизу Ч. Айтматову, азербайджанцу Бабаджану¹⁵⁹, коми Ванееву¹⁶⁰, литовцу Карча-

---

151 Skrobinec J. Az Eötvös-gimnázium előtt. Irodalmi szemle /Pozsony/ 1973, 3. sz.

152 Е. Евтушенко. Любовь к одиночеству. Szovjet irodalom, 1978, 4. sz.

153 Dugyin M. Ének az eleven agyaghoz. Népszabadság, 1977, szept. 11.

154 Дм. Суханов. У венгерского поэта. Szovjet irodalom, 1978, 4. sz.

155 В. Герасимов - Л. Герасимова. Сервус, друг! М., Политиздат, 1980; В. Коротич. Мост. М., "Советский писатель", 1980; А. Ананьев. Годы без войны. "Новый мир", 1981, № 1-2.

156 Találkozás - Встреча Nógrádi /Magyarország/ és kemeroवी /Szovjetunió/ költők versei. Bp. "Corvina" - Kemerovo, 1974.

157 Веселка над берегами. Поезія. Одеса - Серед, 1981.

158 Ajtmatov a magyar fiatalokról. - Élet és irodalom, 1963. jun. 8.

159 Р. Бабаджан. На берегу Дуная. Цикл стихов. "Звезда", 1963, № 4.

160 Vanyejev. A furcsa nevű városban. Szovjet irodalom, 1975, 6. sz.; Északon hull a hó. Szovjet irodalom, 1978, 4. sz.

ускасу¹⁶¹, грузину Квливидзе¹⁶², калмыку Кугультинову¹⁶³, удмурту Покчи-Петрову¹⁶⁴, чукче Рыхэу¹⁶⁵, белоруссу М. Танку¹⁶⁶ и многим другим разноразличные народы СССР могут как бы своими глазами все более полно увидеть новую жизнь венгерского народа.

Таковы вкратце, "с птичьего полета", основные тематические круги обнаруженных нами до сих пор произведений советской литературы, частично или целиком посвященных венгерской теме.

6. Как уже указывалось выше, имеющийся в нашем распоряжении материал может считаться лишь основным фондом, далеко не исчерпывающим всех, относящихся к теме, текстов. Продолжение работы представляется целесообразным в следующих направлениях.

Необходимо провести систематический просмотр, в первую очередь, произведений советских писателей-классиков и наиболее значительных современных авторов, а также произведений всех писателей, побывавших в Венгрии.

Хотя подавляющее большинство известных нам произведений на венгерскую тему было написано после 1917, и, в частности, после 1945 года, не следует предполагать какой-либо цезуры и в обратном ходе во времени: сравнительно большой материал по XIX веку, а также "россыпь" по предыдущим столетиям /напр., из неупомянутых: венгерские герои "Повести временных лет" вроде слуги Георгия Угрина в предании о Борисе и Глебе; широкий круг произведений о С. Батории в фольклоре и древнерусской литературе; венгры и Венгрия в

---

¹⁶¹ Sz. Fagyev. A magyar irodalom litván fordítója. Fáklya, 1981, 19. sz.

¹⁶² Kvlividze M. Budapesti éjszaka. Élet és irodalom, 1972, febr. 5.

¹⁶³ Szovjet irodalom, 1980, 5. sz. 185.

¹⁶⁴ Pokcsi-Petrov. Barátaim a két Duna mentéről. Tiszatáj, 1958, XII.

¹⁶⁵ Ю. рыхэу. Ленинградский рассвет. Л., 1969.

¹⁶⁶ М. Танк. A magyar Alföldön. Szovjet kultúra, 1953, 6. sz.

"Посланиях Ивана Грозного" и многое другое/ обуславливаются фактом тысячелетней общности судеб наших народов, которая проявлялась при всех моментах внешней /государственной, религиозной и т.п./ разобщенности.

Из этого следует определенный практический вывод относительно сбора материалов. По XI-XVII вв. он должен включать в себя все письменные памятники, в XVIII-XIX вв. может концентрироваться в основном на беллетристике, описаниях путешествий и переписке писателей, а в наиболее обширном по конкретному материалу XX в. охватывать лишь художественную литературу.

В ходе сбора материалов необходимо выявить оригиналы известных только по переводам произведений, а также те произведения, о наличии которых у нас имеются лишь чисто библиографические сведения.

По мере систематизации собранного необходимо выработать принципы методологии его синтеза. При этом полезным подспорьем могут служить как отечественные труды по аналогичной теме в английской, немецкой, голландской, чешской, польской и др. литературах, так и обобщающие работы польских, болгарских и др. русистов по обработке относящейся к их компетенции русской и советской литературы.

Необходимо, наконец, чтобы проводимая таким образом работа нашла "выход в практику" хотя бы в таких возможных направлениях:

- показ исторического формирования представлений русского и советского народа о нас через свою литературу в отдельные периоды, выявление характерных особенностей содержания отдельных отрезков времени,

- литературоведческое освоение найденных "венгерских следов" в творческой биографии отдельных писателей, освещение места "венгерских произведений" в их творчестве.